

А. С. Левакин

ТЕОРИЯ «КУЛАЦКОГО САБОТАЖА» И УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ КОЛХОЗОВ ЮГА РОССИИ 1930-х ГГ.

*Работа представлена кафедрой теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института).*

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор А. П. Скорик

В статье осуществлен анализ социального состава колхозной администрации Юга России 1930-х гг. с целью установления правомерности теории «кулацкого саботажа». Обоснован авторский вывод о том, что в 1930-х гг. понятие «кулак» постепенно приобрело социально-политическое содержание, что вело к необоснованному расширению данной социальной группы и усилению репрессий.

The social background of the collective farms' administration in the south of Russia in the 1930s is analysed to reveal the legitimacy of the «kulak sabotage» theory. The author comes to a conclusion that the notion «kulak» was gradually gaining the social and political meaning in the 1930s, which resulted in the groundless extension of this social group and the increase in repressions.

Сплошная форсированная коллективизация, развернутая сталинским режимом в конце 1920-х - начале 1930-х гг., шла вразрез с интересами большинства советских крестьян и поэтому первоначально крайне негативно сказалась на состоянии сельского хозяйства СССР, и в том числе на аграрном производстве Дона, Кубани и Ставрополья. Масштабы негативных явлений в сфере колхозного производства (сокращение поголовья скота, падение уровня агротехники и т. д.) были настолько велики, что ни сам И. В. Сталин, ни кто-либо другой не смогли бы их скрыть. Но, признавая печальные факты кризиса сельского хозяйства, Сталин скрывал их истинную причину, ибо ею выступала форсированная коллективизация (и в целом аграрная политика государства в данное время), целесообразность которой «вождь» не ставил под сомнение. Творцам коллективизации необходимо было найти такое объяснение негативных последствий коллективизации и организационно-хозяйственной слабости колхозной

системы, которое бы склонило общественное мнение на их сторону и позволило с еще большей интенсивностью осуществлять «колхозное строительство». В наибольшей мере поставленным задачам отвечала теория обострения классовой борьбы, по мере продвижения к социализму объяснявшая неудачи «социалистического строительства» происками многочисленных «врагов» советской власти. В рамках данной теории существовал особый подвид - теория «кулацкого саботажа», согласно которой низкая эффективность колхозной системы объяснялась антисоветской вредительской деятельностью «сельской буржуазии» - «кулаков».

Уже в резолюции ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» подчеркивалось, что наряду с усилением открытой борьбы против коллективизации «кулаки все чаще переходят к замаскированным и скрытым формам борьбы и эксплуатации, проникая в колхозы и даже в

органы управления колхозов, чтобы разложить и взорвать их изнутри»¹. Подобные же утверждения звучали на протяжении ряда последующих лет², и даже по завершении сплошной коллективизации в основных зерновых районах страны представители власти заявляли, что «кулак имеет еще свои корешки»³. Наиболее известное высказывание на этот счет принадлежит Сталину, который 11 января 1933 г. в своей речи «О работе в деревне», произнесенной на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), прямо обвинил часть сельского актива и колхозного управленческого аппарата в принадлежности к «кулачеству» и ведении «саботажнической, вредительской работы»⁴.

Из партийных документов и периодики теория «кулацкого саботажа» переключалась в советскую историографию, как общесоюзную⁵, так и региональную, южнороссийскую⁶. Несмотря на предпринимавшиеся отдельными учеными (в частности, Е. Н. Осколковым⁷) попытки скорректировать ее с учетом исторической реальности, данная теория практически в неизменном виде существовала на всем протяжении советской эпохи. В постсоветский же период, в связи с наметившимся снижением интереса к теме «колхозного строительства», исследователи чаще всего ограничиваются общими замечаниями о неправомерности указанной теории. При всей справедливости этих замечаний они, на наш взгляд, нуждаются в документальном обосновании и доработке в соответствии с принципами объективности и историзма.

Думается, что чаще всего утверждения советских властей о вредительской деятельности в колхозах «кулаков» являлись мифами, необходимыми сталинскому руководству для оправдания хозяйственно-организационной беспомощности поспешно созданных коллективных хозяйств. Но полностью отказаться от утверждений о проникновении в состав колхозного руководства «кулаков» не представляется возможным. Ведь об этом говорили не только пред-

ставители власти, но и рядовые колхозники, неоднократно утверждавшие, что многие колхозные администраторы имеют «кулацкие корни», являются «бывшими кулаками и белогвардейцами»⁸.

В этой связи закономерно возникают два вопроса. Во-первых, как «кулаки» вообще могли оказаться в колхозах? Ведь «беспрецедентная по своему масштабу и жестокости кампания раскулачивания, казалось бы, не оставила в деревне даже воспоминаний об этой социальной категории»⁹. Во-вторых, какова была численность «кулаков» в составе колхозной администрации и какие именно посты они занимали?

Отвечая на первый вопрос, надо сказать, что, на наш взгляд, в подвергнутой коллективизации советской деревне (в том числе в селах и станицах Юга России) присутствовали три группы «кулаков», радикально отличающиеся друг от друга. Точнее сказать, отличались друг от друга не столько эти группы, сколько подходы к их выделению. Первая группа – это кулаки в первоначальном понимании, т. е. сельские предприниматели, связанные с сельским хозяйством, но при этом широко использующие кабальные сделки, наемный труд, ростовщичество и т. п. Вторая группа – это «кулаки» с точки зрения советского законодательства и советского общества, т. е. все более-менее зажиточные крестьяне, а также противники советской власти и ее мероприятий в деревне (такая расплывчатая трактовка распространилась именно в период коллективизации). Наконец, в третью группу, которую можно обозначить как «колхозные кулаки», мог попасть любой член колхоза, будь то рядовой колхозник или представитель администрации, по каким-либо причинам не устраивавший органы власти (впрочем, сюда могли угодить и представители вышестоящего руководства). Если представителям первых двух групп надо было так или иначе попасть («пробраться») в колхозы, то третья группа вообще не могла возникнуть вне коллективных хозяйств.

С учетом вышеизложенного, можно говорить о трех этапах неправомерного расширения советской властью границ такой социальной страты, как кулачество. Первоначально кулаки выделялись в рамках предшествующей традиции, на основании социально-экономических критериев (условно говоря, это социально-экономический этап). Но с начала 1930-х гг. ведущим критерием «кулака» становится уже не экономика (источники и размер дохода), а политика (отношение к советской системе), и данный этап можно обозначить как идейно-политический. По мере развития коллективизации, когда «кулаки» практически исчезли в результате «раскулачивания» и репрессий, но организационно-хозяйственное состояние колхозов оставалось тяжелым, их стали находить уже в составе колхозников и колхозного руководства (командно-административный этап, когда для причисления к числу «кулаков» не нужны были никакие критерии, кроме каких-либо провинностей, допущенных членом коллективного хозяйства).

Прежде всего рассмотрим ситуацию с собственно кулаками. Как указывал такой авторитетный специалист в области аграрной истории и крестьяноведения, как В. П. Данилов, кулаки нэповской деревни были «далеко не фермерами», но «в значительной мере все теми же старыми российскими "мироедами"»¹⁰. Эти люди, широко использующие в целях обогащения ростовщичество, кабальные сделки, беззастенчивую эксплуатацию обездоленных односельчан, вызывали у жителей села исключительно негативные эмоции. Поэтому в ходе коллективизации «кулачество было окружено суживающимся кольцом классовой ненависти» и почти не имело шансов попасть в колхозы. Такое предположение тем более вероятно, что кулаков (настоящих, а не мнимых) в советской доколхозной деревне не могло быть много, учитывая лишения гражданской войны и законодательные ограничения «роста кулачества» в эпоху нэпа;

кроме того, целый ряд законодательных актов попросту запрещал принимать в колхозы кулаков¹².

Однако в ходе коллективизации родилось весьма расплывчатое определение кулачества, в основе которого лежали не столько социально-экономические критерии, как ранее, а критерии социально-политические и идеологические. Согласно этому определению, к «кулакам» мог быть причислен не только мало-мальски зажиточный крестьянин (причем степень его зажиточности определялась местными органами власти произвольно, «на глазок»), но и любой сельский житель, так или иначе выступавший против коллективизации. Характерным примером такой расширительной трактовки понятия «кулак» может служить проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) об административном выселении «кулацких» хозяйств, разработанный в начале января 1930 г. (где к «кулакам» причислялись «казачьи идеологи и авторитеты», сектанты, бывшие офицеры, и пр.)¹³. При таком подходе «кулаком» мог быть объявлен кто угодно, хоть вчерашний член компартии, усомнившийся в правильности «генеральной линии». В этой связи показательны слова первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е. Г. Евдокимова о том, что в период «кулацкого саботажа» хлебозаготовок 1932 г. «кулацкие элементы» стремились к тому, чтобы завербовать «своих коммунистов» в партийных организациях¹⁴. Нельзя также сбрасывать со счетов многочисленные случаи причисления сельских жителей к числу «кулачества» путем оговора или из-за того, что они состояли в родстве с «кулаками». В частности, случаи оговоров в 1930-х гг. были настолько распространены, что в лексиконе сельских жителей Юга России появилось выражение «закулачить», т. е. «сделать кулаком», «превратить в кулака»¹⁵.

С полным основанием можно утверждать, что «кулаки» в их расширительном

понимании (которое было присуще и советскому законодательству, и сознанию творцов и современников коллективизации) вполне могли оказаться в колхозах. Однако надо сказать, что зачастую такие «кулаки» вовсе не пробирались в коллективные хозяйства тайком. Они входили в них с полного согласия крестьян. Более того, нередко колхозники настаивали, чтобы эти «кулаки» заняли именно руководящие должности.

Как представляется, такая позиция была обусловлена прежде всего тем, что «в руководящие органы колхоза старались выбирать крепких, "самостоятельных" хозяев»¹⁶, которых крестьяне уважали и ждали от них разумного управления колхозом (но как раз такие «крепкие хозяева», жившие в сравнительном достатке, и попадали во время коллективизации под категорию «кулаки»). Кроме того, колхозники нуждались в тех знаниях и умениях, которыми обладали «кулаки», нередко имевшие более высокий уровень образования, знавшие новинки агротехники и умевшие обращаться со сложными сельхозмашинами. Не случайно в источниках рефреном повторяются утверждения, что «кулаки» чаще всего занимают в колхозах «технические» должности завхозов, учетчиков, полеводов, животноводов и т. д.; реже они попадали в число председателей, членов правлений, бригадиров¹⁷.

В большинстве случаев, однако, для жителей колхозной деревни социальная принадлежность и имущественное положение не являлись той лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно было безошибочно установить «кулака». Как мы уже отмечали, в колхозах можно выделить еще одну группу «кулаков», в которую мог попасть абсолютно любой член колхозной администрации, даже если он являлся стопроцентным бедняком или батраком. Для зачисления в эту группу достаточно было не выполнить распоряжений вышестоящего руководства, а уж тем более - оспорить их.

Такой подход получил выражение в известной сталинской речи 11 января 1933 г. «О работе в деревне». Здесь Сталин заявил, что «кулаками», по существу, являются те колхозные управленцы, которые не хотят беспрекословно выполнять хлебозаготовки (как правило, завышенные), а требуют образования в колхозе значительных фуражных и продовольственных фондов¹⁸. Иными словами, «вождь» подменил понятия («кулаком» теперь считался любой провинившийся колхозник или колхозный администратор) и тем развязал руки карательно-репрессивным органам.

Сталинские изречения были услышаны и поддержаны работниками ОГПУ, которые с еще большим рвением стали осуществлять репрессии против всех вообще колхозников, в чем-либо провинившихся, объявляя их «кулаками» или, на худой конец, «подкулачниками» и «кулацкими агентами» (в данном случае «подкулачники» выступают как бы переходной, транзитивной группой, члены которой, ранее считавшиеся колхозниками, затем могли быть причислены уже к «кулакам»). От таких обвинений теперь уже не спасала даже неопровержимо доказанная принадлежность к «титulyным» социальным стратам советской деревни - к батракам и беднякам. Полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Курский, выступая на первом краевом съезде колхозников-ударников в марте 1934 г., с исчерпывающей полнотой рассказал о специфике выявления «колхозных кулаков». По его словам, «кулак», опасаясь разоблачения, теперь уже не стремится на руководящие должности в колхозах, а старается протолкнуть на них своих агентов: «Он переходит к методу подсовывания на должность учетчика своего агента, своего подкулачника. Он подчас плохим нашим руководителям подсовывает батрака или бедняка»¹⁹. При таком подходе к «кулакам» можно было причислить любого сельского жителя, чем-либо провинившегося или попросту не понравившегося начальству.

Итак, документы позволяют говорить о наличии в колхозах Юга России «кулаков», в том числе и среди колхозной администрации. Другое дело, что чаще всего это были «советские», «колхозные» кулаки, не имевшие ничего общего с собственно кулаками (примитивными сельскими предпринимателями, ростовщиками) и выделявшиеся властью из общей массы крестьян нередко не по имущественным, а по идеологическим и политическим критериям.

Отвечая на второй поставленный нами вопрос - о численности «кулаков» в составе колхозной администрации и о том, какие посты они занимали, - надо сказать, что о количественных параметрах существуют лишь отрывочные сведения. Это и понятно, так как соответствующей статистики в 1930-х гг. не велось. Но все же мы можем составить некоторое представление о количественных параметрах группы колхозных управленцев-«кулаков».

В отчетах политотделов МТС Северо-Кавказского края за 1933 г. содержались сведения о численности колхозных администраторов, «вычищенных» в этом году как «классово-чуждые элементы». По разным категориям управленцев (от председателей правлений колхозов до бригадиров и счетоводов) в 1933 г. было «вычищено» не менее 11-20%²⁰. Причем большинство управленцев пострадали в первом квартале 1933 г., когда шла «борьба с кулацким саботажем хлебозаготовок», в ходе которой репрессиям подверглись не только рядовые колхозники, но и колхозные администраторы. Да и в 1934 г. карательные органы находили в составе колхозной администрации немало «кулаков». К исходу 1934 г. политотделами и органами ОГПУ новообразованного Северо-Кавказского края (куда вошли районы Ставрополя, Терека и национальные области Северного Кавказа) «с руководящих должностей правления колхозов» были «вычищены» 25% управленцев²¹. Но на протяжении последующих лет о столь высокой численности «кулаков» в составе админист-

ративно-управленческого аппарата колхозов речи уже не шло. Так, в ноябре 1935 г. секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаев утверждал, что по результатам проверок среди управленцев коллективных хозяйств 22 районов края «кулаки» и прочие «социально-чуждые элементы» составляли лишь 2-3 %²².

Что же касается вопроса о том, какие именно посты занимали «кулаки» в коллективных хозяйствах, то ответ на него уже прозвучал выше. Согласно имеющимся материалам, «кулаки» чаще всего становились завхозами, бухгалтерами, счетоводами, реже - председателями и членами правлений колхозов, бригадирами и т. п. С одной стороны, это объяснялось тем, что «кулаки» обладали специальными знаниями и навыками, которых не имели рядовые колхозники. С другой же стороны, в условиях обычной для ранних «сталинских» колхозов беспхозяйственности и неразберихи работники колхозной администрации допускали массу просчетов и злоупотреблений, за что подвергались арестам с одновременным обвинением в принадлежности к «кулачеству».

Можно констатировать, что в ходе «колхозного строительства», когда действительных кулаков в советской деревне уже практически не осталось, сталинский режим вложил в понятие кулак новое, идейно-политическое и командно-административное содержание. «Кулаками» стали называть тех, кто ранее вообще не мог быть причислен к их числу: не только более-менее состоятельных крестьян, но и рядовых колхозников и даже колхозных администраторов. Неправомерное расширение границ «кулачества» («окулачивание») позволило сталинскому режиму во всеуслышание заявлять о «кулацком саботаже» в колхозах и переложить ответственность за организационно-хозяйственную слабость многих коллективных хозяйств на представителей колхозного административно-управленческого аппарата, обвинив их в принадлежности к «кулакам» и во «вредительстве».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1953. Ч. II: 1925-1953. 7-е изд. М., 1953. С. 523.

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-1390. Оп. 6. Д. 439. Л. 243; *Белов А.* Классовая борьба вокруг колхозного строительства // Коллективист. 1931. № 20. С. 10.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 166.0п. 1.Д. 101. Л. 173.

⁴ *Сталин И. В.* О работе в деревне. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. // Сочинения. М., 1953. Т. 13. С. 229-230.

⁵ *Елизаров Н. В.* Ликвидация кулачества как класса. М., 1930; *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). М., 1972; *Выщан М. А. и др.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения: Краткий очерк истории. М., 1982.

⁶ *Оганян А. Г.* Историческая роль политотделов МТС в деле укрепления колхозного строя в СССР. 1933-1934 гг. На материалах работы политотделов МТС Северо-Кавказского края: Дис. на соис. учен. степени канд. ист. наук. М., 1948; Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф. И. Поташева и С. А. Андропова. Ростов н/Д., 1970; *Иванов В. И., Чернопицкий П. Г.* Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.): Исторический очерк. Ростов н/Д., 1971; Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 2: 1921-1971. Ростов н/Д., 1973; Очерки истории Ставропольского края. Т. 2: С 1917 года до наших дней / Отв. ред. А. А. Коробейников. Ставрополь, 1986.

⁷ *Осколков Е. Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973. С. 287-300.

⁸ ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1.Д. 1076. Л. 59; Ф. 166. Оп. 1.Д. 100. Л. 2, 66; Молот. 1934. 2 января; 18 апреля.

⁹ *Глумная М. Н.* К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Хироши Окуда. Токио, 2005. С. 265.

¹⁰ *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 11.

¹¹ *Тодрес В.* Колхозная стройка на Тереке. Пятигорск, 1930. С. 18-19.

¹² История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг.: В 2 т. Т. I: 1917-1936. М., 1959. С. 174; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. Т. 2: 1929-1930. М., 2000. С. 690; *Мальцева Н. А.* Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб., 2000. С. 59.

¹³ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 100-103.

¹⁴ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

¹⁵ *Бондарев В. А.* Семантика идеологемы «раскулачивание» в колхозной деревне Юга России 30-х гг. XX в. // Язык в контексте социально-правовых отношений современной России: Материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Ростов н/Д., 22 марта 2006 г. Ростов н/Д., 2006. С. 92.

¹⁶ *Глумная М. Н.* Указ. соч. С. 266.

¹⁷ ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23. Л. 21; Д. 1080. Л. 16; *Акулик, Воротницкий, Липман.* Борьба за социалистическое перевоспитание колхозника // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8. С. 19; *Львов А.* Беспощадно бороться с расхитителями колхозного хлеба // Коллективист. 1932. № 17. С. 11.

¹⁸ *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 230.

¹⁹ ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 179.

²⁰ Рассчитано по: ГАРО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 463. Л. 1-13, 15-19, 21-25, 27, 29-32, 34-37, 39-42, 44-53, 55, 58-63, 66-69, 71-75, 77-82, 84-86, 88-89, 92-97, 99, 101-105, 107, 109, 111-113, 116-123, 125-126, 128, 132-135, 137-141, 143, 145-156, 157-158, 160, 162, 164-166, 168-176, 178-179.

²¹ ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 69.

²² Колхозный путь. 1935. № 12. С. 15.